

УДК: 801.73

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-130-137

ПИСАТЕЛЬСКИЙ МЕТАЯЗЫКОВОЙ КОММЕНТАРИЙ И ЕГО РОЛЬ В ПОНИМАНИИ ТЕКСТА (на примере произведений русской литературы XIX в.)

О.В. Ломакина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Иловайская, д. 9, стр. 2, Москва, Россия, 109651
rusoturisto07@mail.ru

В статье рассматриваются виды метаязыкового комментария, данного писателями, в произведениях русской литературы XIX в. Писательский метаязыковой комментарий облегчает понимание текста. Цель данной статьи — анализ метаязыковых способов введения в контекст произведения иноязычных вкраплений, идеологем, важных для раскрытия писательского мировидения, диалектизмов. В ходе исследования были выявлены виды метаязыкового комментария в зависимости от следующих факторов: от языка используемой, необходимой для перевода или объяснения языковой единицы; от сферы употребления, при авторской семантизации и при определении типа единицы и своего отношения к ней. Очерчивается перспектива исследования, связанная со сравнением текстов разной стилистической отнесенности, рассмотрением метаязыкового комментария при использовании социолектов, анализом характера иноязычных вкраплений в языке писателей-билингвов.

Ключевые слова: метаязыковой комментарий, художественный текст, понимание текста, русская литература XIX в., иноязычные вкрапления, идеологема, лексика узкой сферы употребления

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время филология накопила достаточный теоретический концептуарий, который необходимо использовать на практике — при анализе текстов. С учетом междисциплинарного подхода, обусловленного господствующей научной парадигмой, текст вне зависимости от стилистической и жанровой принадлежности рассматривается не только в единстве формы и содержания, но и как междисциплинарная единица, охватывающая «любые знаковые последовательности» (Н.С. Валгина) и находящаяся на стыке психологии, лингвистики, риторики, прагматики, семиотики, герменевтики и других гуманитарных наук.

Как известно, способность понять текст, постичь его сущность зависит от ряда факторов, траектория которых простирается от формальных до концептуальных. Г.И. Богин предложил типологию понимания текста, соотносимую со структурой языковой личности: 1) семантизирующее; 2) когнитивное; 3) распределительное понимание [Богин 1984].

Нередко сложности возникают при семантизирующем понимании, если читатель сталкивается со словом узкой сферы употребления, находящемся на периферии языковой системы, или незнакомой паремией, иноязычным вкраплением и др. Тогда одним из шагов к постижению текста является метаязыковой коммен-

тарий, данный писателем. По мнению Л.Ю. Петровой, художественные дефиниции позволяют «определить роль творческой рефлексии языковой личности» [Петрова 2011: 43].

Цель данной статьи — определить особенности введения в текст художественного произведения различных типов метаязыкового комментария, выявив при этом индивидуально-авторские предпочтения.

МЕТАЯЗЫКОВОЙ КОММЕНТАРИЙ И ЕГО ВИДЫ

К метаязыковому комментарию мы относим случаи интерпретации значения различных лексико-фразеологических единиц: перевод с иностранного языка на родной, семантизацию слов узкой сферы употребления, авторскую самодефиницию (термин А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко) при объяснении смысловых нюансов, «обертонов смысла» (Б.А. Ларин), а также различные способы коммуникативного выражения: от формального — определения типа языковой единицы (пословицы, афоризма и под.) — к промежуточному (оценка по шкале хорошо — плохо) — до концептуального [см. также: Ломакина 2014].

Трудности в восприятии текста могут возникать при использовании иноязычных вкраплений (ИВ), которые с XIX в. стали одной из стилистических черт русской художественной литературы. Этот факт Ю.Т. Листрова-Правда объясняет появлением двуязычия и называет фактором демократизации русского языка, начатой А.С. Пушкиным [Листрова-Правда 2001]. Дискурсивное изучение ИВ предполагает анализ соотношения контактирующих языков и может опираться на классификацию Ю.Т. Листровой-Правды, которая выделяет полное, частичное, контаминированное (русско-иноязычное вкрапление), нулевое ИВ [Листрова-Правда 2001: 119—120]. Наиболее сложной является верификация последнего вида, поскольку нулевое ИВ нередко представляет собой лишь аллюзию на общеизвестное ИВ.

Частотное использование ИВ можно также объяснить высоким уровнем владения иностранным языком, ориентацией на просвещенного читателя, светскостью литературного языка, благородным происхождением литературных персонажей, как правило, можно объяснить включение ИВ в текст художественного произведения без перевода или необходимого комментария. В качестве иллюстрации приведем реплики героев пьесы А.П. Чехова «Три сестры»:

Вершинин. *А вы читаете по-английски?*

Андрей. *Да. Отец, царство ему небесное, угнетал нас воспитанием. Это смешно и глупо, но в этом все-таки надо сознаться, после его смерти я стал полнеть и вот располнел в один год, точно мое тело освободилось от гнета. Благодаря отцу я и сестры знаем французский, немецкий и английский языки, а Ирина знает еще по-итальянски. Но чего это стоило! (А.П. Чехов «Три сестры»).*

Анализ иллюстративного материала «Словаря иноязычных выражений и слов» и нашей картотеки показал, что в языке русских писателей (Н.С. Лесков, А.С. Пушкин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и др.) доминируют ИВ-галлицизмы и ИВ-галлицизмы по отношению к ИВ из других языков, что объяс-

няется культурной традицией в целом: фактом освоения русским языком ИВ-латинизмов, распространением в XIX в. французского языка, интересом к французской литературе, ее влиянием на русский литературный язык [Макарова 2016: 61]. Поэтому вполне логично отсутствие в тексте перевода ИВ. Однако существуют единичные контексты, когда писатели в художественном произведении приводят одновременно ИВ и его перевод на русский язык. Подобные примеры можно объяснить тем фактом, что читателю известен иноязычный вариант для обозначения данного понятия, в отличие от его русского аналога, поэтому используется один из видов графических маркеров — скобки, где писатель приводит общеизвестное ИВ. Например:

*Завидую нашей тишине, иностранцы не без ядовитости указывают, что мы сами как бы тяготимся ею. Что у нас, среди глубокого мира, от времени до времени, трубят рога и происходят так называемые усмирения (*répressions de la tranquillité*)* (М.Е. Салтыков-Щедрин «Помпадуры и помпадурши»).

Ср.: *répression de la tranquillité* (франц.) — ‘Подавление с успокоительной целью; усмирение’ [Бабкин 1994: 1118].

*К тому же в письме, очевидно, было более слов, чем дела. Тут говорилось о небе, о звездах, о *государствах неба (puissance du ciel)*, о цветах души, о каком-то идеале... о совершенной бессмыслице* (В.А. Соллогуб «Старушка»).

Ср.: *puissance du ciel* (франц.) — ‘Небесная держава, небесная сила’ [Бабкин 1994: 1074].

Кроме того, встречаются примеры, в которых писатель приводит не общеизвестный, а близкий, адаптированный к коммуникативной ситуации, т.е. контекстуально обусловленный, перевод ИВ:

*— Не влюбчивы ли вы? — Райский слегка покраснел. — Что, кажется, попал? — Почему вы знаете? — Да потому, что это тоже входит в натуру художника: она не чуждается ничего человеческого: *nihil humanum...* и так далее!* (И.А. Гончаров «Обрыв»).

Ср.: *Ni<hi>I humani a me alienum puto* — «Я считаю, что ничто человеческое мне не чуждо» [Бабичев 1997: 496].

Одним из «вечных» вопросов при переводе устойчивых единиц различной природы и структурной организации является подбор наиболее точного эквивалента из родного языка. Этим фактом можно объяснить наличие буквального перевода и подбор аналога в словарных статьях дву-/многоязычных словарей.

Следующий минимальный контекст показывает, что писатели, стараясь вплести ИВ и его перевод в ткань художественного произведения, приводят именно сосуществующий в языке, наиболее точный эквивалент, обладающий, как и большинство фразеологических единиц, экспрессивным переводом:

*Ведь он уж не в первый раз поддевает на эту штуку. На то, сударь, пошел: *aut Caesar, aut nihil* — или пан или пропал. До сих пор ему удавалось, а как раз промахнется, так и поминай как звали!* (М.Н. Загоскин «Рославлев, или Русские в 1812 году»)

Ср.: *Aut Caesar, aut nihil* — «Или Цезарь, или ничто (ср. рус. Или пан, или пропал)» [Бабичев 1997: 90].

Интересны контексты, содержащие не нормативный, а авторский, подчас ситуативно обусловленный перевод. В приведенном ниже примере замена компонента контекстуально обусловлена, а в качестве фразеологических актуализаторов выступают лексемы *упиваясь, не зная, на что смотреть*, в результате чего появляется индивидуально-авторский перевод ИВ, представляющий собой пример преобразований концептуального характера:

Cogito ergo sum — «путешествую, следовательно, наслаждаюсь» перевел я на этот раз знаменитое изречение, поднимаясь в носилках по горе и упиваясь необыкновенным воздухом, не зная, на что смотреть: на виноградники ли, на виллы, или на синее небо, или океан (И.А. Гончаров «Фрегат Паллада»).

Ср.: *Cogito, ergo sum* — «Я мыслю, следовательно, я существую» [Бабичев 1997: 129].

Отечественная художественная литература содержит примеры одновременно-го употребления ИВ на разных языках. В представленном примере русская этикетная формула *извините* предвзвешивает аналогичные на французском, немецком, итальянском, английском языках. В представленном ниже предложении благодаря нанизыванию ИВ создается ироничный оттенок по отношению к сложившейся языковой ситуации в изображаемый период:

Пропуская тысячи причин этих затруднений, я упомяну о тысяче первой.

Эта причина, — извините! — pardon! — verzeihen Sie! — scusate! — forgive me! — эта причина: наши дамы не говорят по-русски!! (В.Ф. Одоевский «Княжна Мими»)

«Авторская самодефиниция» помогает при формулировке лексического и фразеологического значений, прежде всего идеологем. Так, широко известный латинизм *nihil* благодаря роману И.С. Тургенева «Отцы и дети» входит в литературный язык, а лексема *нигилист* из потенциального слова становится общеупотребительным:

— Он *нигилист*, — повторил Аркадий. — *Нигилист*, — проговорил Николай Петрович. — Это от латинского *nihil*, ничего, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека, который... который ничего не признает? — Скажи: который ничего не уважает, — подхватил Павел Петрович и снова принялся за масло. — Который ко всему относится с критической точки зрения, — заметил Аркадий. — А это не все равно? (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

Таким образом, авторская семантизация помогает не только при описании характера Базарова, главного героя романа, но и при определении смыслового оттенка лексемы, что важно для лексикографической практики, в том числе при составлении словаря языка И.С. Тургенева.

ИВ-галлицизм *comme il faut* в XIX в. являлся общеупотребительным многозначным фразеологизмом, а для языка Л.Н. Толстого стал тезаурусообразующей единицей. Писатель употребляет этот галлицизм не только в нетранслитерированном виде, но и прибегает к агглютинации ФЕ: *comme il faut* → *комильфотный* → *комильфотность*. Кроме того, зафиксирован случай графического смешения *comme il faut*'ность [Ломакина 2016: 241].

При определении значения этого ИВ важно обращение к текстам писателя:

*Мое любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей **comme il faut** и на **comme il ne faut pas**. Второй род подразделялся еще на людей собственно не **comme il faut** и простой народ. Людей **comme il faut** я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых — притворялся, что презираю, но в сущности ненавидел их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали — я их презирал совершенно. Мое **comme il faut** состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти (Л.Н. Толстой «Юность»).*

*Судебным следователем Иван Ильич был таким же **comme il faut**'ным, приличным, умеющим отделять служебные обязанности от частной жизни и внушающим общее уважение, каким он был чиновником особых поручений (Л.Н. Толстой «Смерть Ивана Ильича»).*

*Иван Ильич сам взялся за устройство, выбирал обои, подкупал мебель, особенно из старья, которому он придавал особенный **комильфотный** стиль, обивку, и все росло, росло и приходило к тому идеалу, который он составил себе. Когда он до половины устроился, его устройство превзошло его ожиданье. Он понял тот **комильфотный**, изящный и не пошлый характер, который примет все, когда будет готово (Л.Н. Толстой «Смерть Ивана Ильича»).*

Как показывают представленные примеры, галлицизм *comme il faut* — идеал для писателя во всем: его герои с уважением и почитанием относятся к таким людям, создают подобную обстановку, что позволяет говорить о расширении сочетаемости прилагательного *комильфотный* в значении «приличный», поскольку в последнем контексте таким образом характеризуется не человек, а стиль, обстановка помещения. Однако «после духовного перелома, когда изменилась система ценностей и ушли в прошлое юношеские идеалы, Толстой противопоставляет себя *comme il faut*'ным людям, нередко осуждая их. Здесь следует обратиться к мемуарному наследию Л.Н. Толстого, поскольку характеристика тезаурусообразующих единиц должна проводиться в текстах разных стилей и жанров» [Ломакина 2016: 146].

Одним из лексико-фразеологических средств, требующим разъяснения в целях адекватного понимания текста, является трактовка значений единиц социального или территориального диалекта. Б.А. Ларин в статье «Диалектизмы в языке советских писателей» (1935), говоря об использовании писателями слов узкой сферы употребления, склоняется к введению в текст семантических идиом диалектов как «наиболее эффективных языковых средств при создании образа» [Ларин 1974: 233]. Ученый крайне негативно отзывался о тех писателях, которые включают обозначенные единицы как декорацию: будучи нагромождением, они не способствуют читательскому пониманию текста.

Следует сказать о существующей в русской литературе XIX в. традиции введения в контекст локальной (диалектной) лексики и фразеологии. И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой одними из первых стали употреблять диалектизмы в текстах произведений. Так, И.С. Тургенев в цикле рассказов «Записки охотника» по-разному

объясняет незнакомые читателю реалии. Например, в рассказе «Бежин луг» писатель приводит следующую информацию: «*Дворцом* называется у нас место, по которому вода бежит на колесо; казюли — *По-орловскому: змеи*, в «Хоре и Калиныче» — *Таких рассказов я, человек неопытный и в деревне не «живальй» (как у нас в Орле говорится), наслушался вдоволь*, в «Певцах» — *Орловцы называют глаза гляделками, так же как рот едалом*. Как видно из примеров, писатель использует как вставные конструкции, так и сноски, где сообщает информацию о том, где и кто так говорит; кроме того, применяет графические маркеры — кавычки. Однако нами не обнаружены примеры, содержащие информацию о типе языковой единицы, а также писатель не выражает своего отношения к приводимым лексемам, фразеологизмам, лишь фиксируя их значение. Той же традиции объяснения диалектизмов придерживается и Д.Н. Мамин-Сибиряк:

Но зауральский мужик совсем не того типа, к какому привык глаз в великорусских губерниях. Здесь живет народ «естевой», то есть зажиточный (вероятно, от слова: есть), «народ-богатеи», если сравнить с «Расеей». Матушка Сибирь вспола, вскормила его и на ноги поставила. На привольных местах окреп тот же самый народ, раздобрел. Недаром славятся сибиряки своей смышленостью и промышленным характером. Под боком киргизская степь, Обь с своими притоками; позади стеной подымается Урал — было где поучиться зауральскому мужику уму-разуму (Д.Н. Мамин-Сибиряк «В худых душах»).

Кроме пояснительной конструкции, как в предыдущем примере, писатель использует сноски, где приводит семантизацию слова: *Доспиеет — поспеет*.

В произведениях Л.Н. Толстого диалектный материал дается без пояснений, что, несомненно, затрудняет восприятие текста:

*Матрена. ...Все семьдесят семь уверток знаю. Вижу, ягодка, зачиврел, зачиврел твой-то старик. С чем тут жить? Его вилами ткни, кровь не пойдет. Глядишь, на весну похоронишь. **Принять во двор** кого-нибудь да надо. А сынок чем не мужик? Не хуже людей («Власть тьмы», д. 1, явл. 10).*

Ср.: *принять во двор* — «юж., обвенчаться, жениться» [Даль 1978: 588].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранный и проанализированный нами материал позволил выявить виды метаязыкового комментария в зависимости от следующих факторов:

- 1) от языка используемой, необходимой для перевода или объяснения языковой единицы: русский/иностраные языки;
- 2) от сферы употребления: территориально ограниченная лексика и фразеология — диалектное (областное) слово или фразеологическая единица;
- 3) при авторской семантизации (авторской «самодефиниции» — термин А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко): если разъясняется значение знакомого слова/фразеологизма, которое важно для понимания авторского мировоззрения, восприятия текста, характеристики языковой личности писателя в целом;
- 4) при определении типа единицы и своего отношения к ней.

Кроме того, писатели используют графические маркеры. Проанализированные контексты содержат примеры корреляции обозначенных выше факторов.

«Декодирование» единиц текста происходит более органично, если читатель располагает информацией «из первых рук»: именно писательский комментарий, не всегда профессиональный, позволяет точнее и органичнее авторские интенции и станет ключом к пониманию текста художественной литературы.

Данная тема имеет ряд перспектив. Обозначим векторы изучения: сравнительное исследование текстов разной стилистической отнесенности, отдельное рассмотрение текстов писателей — профессионалов в другой сфере деятельности (например, при употреблении медицинской терминологии врачами М.А. Булгаковым, В.В. Вересаевым, А.П. Чеховым; морских профессионализмов моряками В.В. Конецким, В.С. Пикулем), анализ метаязыкового комментария писателями-билингвами. Следует сказать и о художественных текстах «текучей» современности, т.е. литературе сегодняшнего дня: здесь интересно рассмотреть диссонанс при употреблении сниженной лексики элитарной языковой личностью и явлении люмпенизации языка [см.: Осипов 2015: 33].

© Ломакина О.В.

Дата поступления: 28.08.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* (1997). Словарь латинских крылатых слов [*Babichev N.T., Borovskij Ja.M. Dictionary of Latin winged words*] Москва: ТЕРРА.
2. *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* (1994). Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода [*Babkin A.M., Shendecov V.V. Dictionary of foreign-language expressions and words used in Russian language without translation*]. Санкт-Петербург: «КВОТАМ».
3. *Богин Г.И.* (1984). Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов [*Bogin G.I. Model of linguistic persona in its relation to varieties of texts*]: Автореф. дис. ... доктора филол. наук: Ленинградский гос. университет, Ленинград.
4. *Даль В.* (1978). Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 [*Dal' V. Explanatory Dictionary of the Russian language*]. Москва: Русский язык.
5. *Ларин Б.А.* (1974). Диалектизмы в языке советских писателей [*Larin B.A. Dialects in the language of Soviet writers*] // Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Ленинград: «Художественная литература». Ленинградское отделение.
6. *Листрова-Правда Ю.Т.* (2001). Иноязычные вкрапления-библейзмы в русской литературной речи XIX—XX вв. [*Listrova-Pravda Ju.T. Foreign-language biblical inclusion in Russian literary language in XIX—XX centuries*] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1. № 1.
7. *Ломакина О.В.* (2014). Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) [*Lomakina O.V. Proverbs in context: explication of communicative intent (based on textual material by Leo Tolstoy)*] // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. № 77.
8. *Ломакина О.В.* (2016). Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание [*Lomakina O.V. Phraseology in Leo Tolstoy's Language: linguistic commentary and lexicographical description*]: Дис. ... доктора филол. наук: Санкт-Петербургский гос. университет, Санкт-Петербург.
9. *Макарова А.С.* (2016). Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике [*Makarova A.S. The Features of Phraseologisms-Gallicisms Functioning in Modern French and Russian Publicism*]: Дис. ... канд. филол. наук: Российский университет дружбы народов, Москва.

10. *Осипов Г.В., Островская Т.А., Хачмафова З.Р., Ляушева С.А., Карабулатова И.С.* (2015). Специфика дискурса российской элиты в эпоху «текучей» современности как актуальная проблема этносоциокультурной безопасности [*Osipov G.V., Ostrovskaya T.A., Hachmafova Z.R., Lyausheva S.A., Karabulatova I.S.* Specific features of the Russian elite discourse in the era of «fluidal» modernity as actual problem of ethno-sociological and cultural safety] // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. Москва: Уфа: Ростов-на-Дону: Издательство Уфимского государственного университета экономики и сервиса.
11. *Петрова Л.А.* (2011). Авторский метаязык в стилистике художественного текста [*Petrova L.A.* Author's metalanguage in the stylistics of a literary text] // Филологические заметки. № 1.

УДК: 801.73

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-130-137

THE WRITER'S METALINGUISTIC COMMENTARY AND ITS ROLE IN TEXT UNDESTANDING (exemplified by russian XIX century literature)

O.V. Lomakina

St. Tikhon's Orthodox University
Ilovajskaya str., 9, Moscow, Russia, 109451
rusoturisto07@mail.ru

Abstract. The article concerns all types of metalinguistic commentary given by the authors of Russian literature of the XIX century. The metalinguistic commentary makes the text understanding easier. The aim of this article is to analyze the metalinguistic methods of entry the foreign language inclusion, ideologemes, which are important for understanding the authors position and view of the world. The research shows all types of metalinguistic commentary which were defined based on different factors, namely according with the language used for translating the lexical unit; the sphere of usage; the authors semantization as well as defining the lexical unit type and his attitude to it. The article demonstrates the perspective of research, which means the comparison of the texts of different style, regarding the metalinguistic commentary in usage of sociolects, the analyses of the type of foreign language in the bilingual writers.

Key words: methalingvustic comment, fiction text, text understanding, Russian literature of the 19th century, foreign-language inclusion, ideologeme, vocabulary use narrow scope